

Мир:

о трудной истории ключевого понятия культуры

Идея мира также стара, как само человеческое знание об обществе. И пусть это звучит достаточно банально, но вопрос обуздания и контроля насилия всегда встает там, где человеческие сообщества перерастают уровень малых групп, и определение понятия того, что мы сегодня называем «мир» приобретает самые различные значения.

Мир как синоним природы

Энергетическое понятие «мир» у архаичных сообществ всегда было проникнуто ощущением тесной связи с великой матерью Природой, почитаемой в повседневной жизни. Люди на этой стадии развития воспринимают пищу, дарованную им «матерью-природой» как мир. Поэтому в древних культурах сплошь и рядом женские богини мира и плодородия идентичны.

Развитие человеческих сообществ, формирование более комплексных структур, а также разделение садоводства и земледелия обусловили повышение значимости «довеска» маскулинности к женским образам богинь плодородия и мира. Ритуалы мира и плодородия, посвященные мужским божествам, почти всегда связаны с животноводством. Они

возникают в период эволюционного перехода от магической к мифической фазе, когда в крупных общественных группах формируются более сложные системы правления и представления об абстрактных божествах.

Совершенно другие представления привнесли в эллинистическое и европейское культурное наследие воинственные индогерманские народы. Для них война была естественным состоянием общественного бытия. Исходя из такого понимания, они

выработали этику войны, как дела высокой морали, а перерывы между войнами, так называемые айрене, рассматривали не как желанное состояние, но скорее как неизбежную паузу в более благородной деятельности. Лишь с пятого века до н. э. такие греческие авторы, как Платон, Аристофан и Геродот, признают за понятием «мир» самостоятельную ценность. С возникновением древнегреческих полисов (городов-государств) понятие «мир» появляется в правовой институциональной сфере как предмет договора.

Мир, регулируемый договором

Эти представления перенимает имперский Рим. Древняя богиня плодородия Пакс (лат. мир) вместе с богиней Викторией стала почитаться при императоре Августе как богиня победного мира, в то время как Марс, ранее бывший спутником Пакс, становится богом войны, подобно древнегреческому Аресу. Окончательный переход от магической картины мира к мифической и появление такого института, как государство, как видим, идут рука об руку с переосмыслением представлений о мире.

Этот процесс затронул и три главные религии Средиземноморья. Для иудеев и христиан понятие «шалом» (салам) первоначально было именем бога, который зовется Миром, поскольку он и есть мир. По мере институционализации церкви постепенно из этого представления формируется образ бога-творца, который дает мир, однако не задаром, а на определенных условиях, которые интерпретируются его заместителями на Земле.

Аналогичный процесс наблюдается с некоторым сдвигом по времени и в исламе, т.е. его нельзя считать исключительно средиземноморским феноменом. И в древнем Китае конфуцианство знаменует собой наступление строгой морализации первоначально энергетической концепции мира. В индуизме этот процесс опирается на религиозные нормы, установленные браминами. В буддизме мы наблюдаем подобное же - в связи с возникновением школ махаяны и дзэн. Даже в тантризме, этом шаманско-бунтарском направлении буддизма, индуизма и даосизма, можно заметить подобные институциональные признаки. То же самое прослеживается и в Америке, где политически институционализированное сообщество жрецов-священнослужителей приходит на смену энергетически ориентированному шаманству и стимулирует развитие таких высоких культур, как майя, ацтеки, инки и чибча, которые в свою очередь исчезают или становятся жертвами европейских завоевателей. Напротив, в Африке многочисленные

энергетические картины мироздания и мира по-прежнему существуют, невзирая на границы государственных образований, на влияние европейской или арабской экспансии. Они сохраняются здесь под поверхностью в большинстве своем неудачных попыток институционализации со стороны государства и ориентированного на морализм духовенства исламского и христианского направлений и продолжают играть огромную роль в общественном сознании.

Просвещение считает своей «святой» обязанностью перевод субрациональных представлений о мире и обществе в рациональную плоскость. Там, где это удалось, выработались новые языковые правила для устаревших мыслительных образцов. К примеру, Томас Хоббес, один из крупнейших предшественников современной теории мира, дает концепцию негативного мира, который смиряется с отсутствием физического насилия, что характерно уже для Древней Греции с ее периодами айрене. Для повышения значимости понятия мира до уровня самостоятельной этической ценности по меркам римского раха (мира) большую роль сыграл знаменитый труд Иммануила Канта «Трактат о вечном мире».

Реалистическая и идеалистическая школы

Из этих двух тенденций позднее развились «реалистическая» и «идеалистическая» школы научной дисциплины «международные отношения». Эта дисциплина своим возникновением обязана травме, нанесенной человечеству Первой мировой войной. На Парижской мирной конференции 1919-1920 гг. были достигнуты договоренности о создании центров исследования системы международных отношений, чтобы исключить в будущем катастрофы подобного масштаба. Не кажется особенно удивительным, что оба направления молодой

дисциплины не смогли предотвратить нового бедствия - Второй мировой войны. Дело в том, что они основывались на институциональных и моралистических представлениях, которые привели к развитию глобального капитализма с присущими ему структурами насилия. Из идеологических соображений критические выводы марксизма по этой теме были отвергнуты как ненаучные. Лишь спустя много времени после окончания Второй мировой войны эта критика обходными путями - через структурализм - была включена в научные дебаты за пределами той части мира, где доминировали Советский Союз и реальный социализм.

В европейском контексте старт новой дискуссии был дан прежде всего норвежцем Йоханом Гальтунгом. Отказавшись служить в армии, он уже в 1958 году создает в Осло Институт исследований мира PRIO, тем самым размежевавшись с дисциплиной «международные отношения». Однако лишь в 1972 году ему удалось настоящий прорыв, когда он ввел «бронбойное» понятие «структурное насилие» в дискуссию о войне и мире. Этот пост-марксистское понятие полностью отвергает «реалистическое» представление о негативном мире и выходит далеко за пределы идеалистических концепций. Согласно Гальтунгу, структурное насилие происходит там, где политико-экономические структуры препятствуют индивидуумам или группам людей реализовать свой потенциал духовных и соматических способностей. Отсюда возникает требование позитивного мира и коренное изменение парадигмы в исследовании мира.

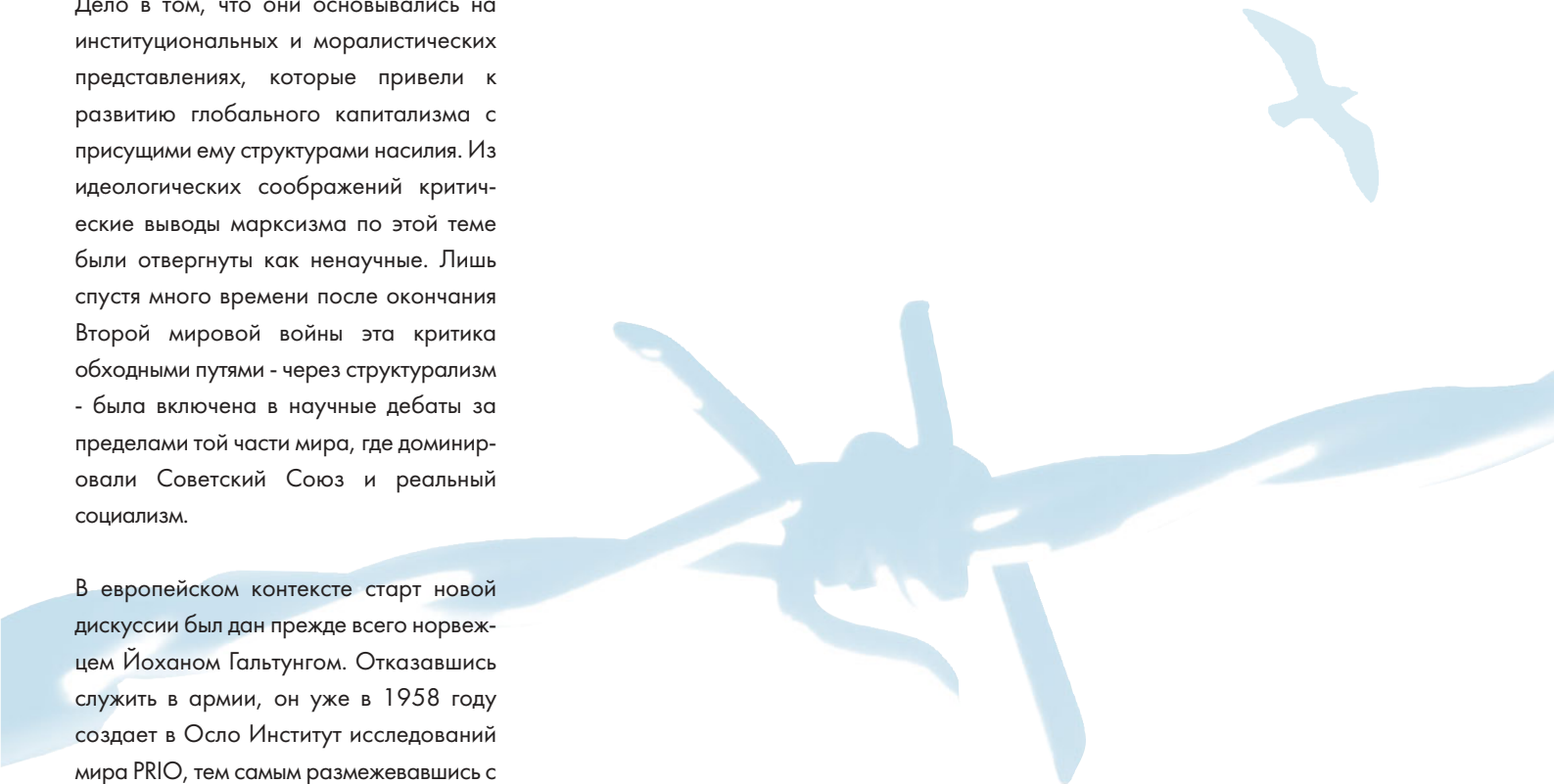
«Приподнять» прогрессивное мышление

Меньше внимания привлекла традиция, по которой, начиная с Жан-Жака Руссо, подвергается критике эйфория просвещенного прогрессивного мышления вне

его материальных аспектов. Сомнению прежде всего подвергалось определение культуры как направленных на освобождение действий человека в отношении окружающего мира, воспринимаемого независимо, т.е. так, как это трактуется сегодня. Для исследований мира значимым при этом стало то обстоятельство, что культура, определяемая таким образом, в новейшие времена прогрессивно накладывалась на существовавшие культуры других сообществ, организованных по-иному, что трудно охарактеризовать словом «мир». Эта озабоченность особенно сильно проявилась в конце двадцатого столетия в философии постмодернизма. Разгорелась жаркая дискуссия: не следуют ли все сообщества, организованные не в соответствии с западными представлениями о морали и просвещении, архаичным, субрациональным и, тем самым, попросту отсталым

образцам мышления? Или же существует за пределами современности некий трансрациональный духовный уровень организации и мышления, который не отвергает современное мышление, а «приподнимает» его? В данном контексте слово «приподнимать» понимается триедино: как сохранение, нейтрализация и повышение уровня современного мышления.

Через двадцать лет после появления понятия «структурное насилие» Гальтунг дополнил свою концепцию насилия понятием «культурное насилие», определив физическое, структурное и культурное насилие как единое целое, чьи отдельные аспекты взаимно обуславливают друг друга. По Гальтунгу, культурное насилие - это такой концепт мышления, который легитимизирует структурное или физическое насилие. Тем самым Гальтунг

Мир и конфликт всегда связаны с конкретными межлическими отношениями в конкретном месте и времени. Эти взаимосвязи необходимо изучать, анализировать и признавать, чтобы обеспечить ненасильственную трансформацию конфликтов. Принятие такой позиции в сочетании с равной оценкой значимости обоих понятий мира поможет использовать энергию конфликта для его урегулирования, т.е. трансформации.

Вольфганг Дитрих, директор лаборатории арт-программ по вопросам мира, развития, безопасности и международной трансформации конфликтов при Университете г. Инсбрук

Больше о программе можно узнать на сайте www.tirol.gov.at/peacestudies

подкрепил свою пацифистскую критику западно-капиталистического прогрессивистского мышления и потребовал признания альтернативных, трансрационально-энергетических концепций. Решающим при этом является то, что конфликт не рассматривается более как аморальная противоположность миру, а признается положительным признаком общественной энергии, которая при использовании ненасильственных средств может быть направлена на трансформацию проблемных ситуаций. Ключевые понятия международной политики, такие как предотвращение конфликтов (conflict prevention), строительство мира (peace building), сохранение мира (peace keeping) или даже принудительное обеспечение мира (peace enforcement), при таком подходе теряют всякое значение, а лишь консервируют и блокируют потенциально положительную энергию конфликтов.

Междисциплинарные результаты исследований подкрепляют такое воззрение. Они доказывают, что по крайней мере ведущие ветви традиционных важнейших религий и философских течений познания, такие как индуизм, буддизм, даосизм, христианская и исламская мистика и многочисленные шаманские традиции, хотя и восходят к первобытной и субрациональной истории, но в своей сути они основываются на трансрациональных взглядах и опыте отдельных выдающихся индивидуумов. Надо ли говорить, что традиционные школы реализма, идеализма и марксизма яростно отвергают такую позицию.

Моральные и энергетические понятия мира сегодня стоят рядом по своему значению. Однако они ограничены в радиусе своего действия и не могут применяться универсально. Их также нельзя произвольно взаимозаменять.